

УДК 339.9

Кулагина Анастасия Владиславовна

студент

Уфимский Государственный Нефтяной Технический

Университет

Россия, г. Уфа

Научный руководитель: Чекрыжов Алексей Владимирович

старший преподаватель кафедры международных отношений,

истории и востоковедения

Уфимский Государственный Нефтяной Технический

Университет

Россия, г. Уфа

АССИМЕТРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО

ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье анализируется характер российско-китайского экономического партнёрства после 2022 года. Выявлена устойчивая асимметрия: Россия становится критически зависимой от китайского рынка, тогда как Китай сохраняет свободу манёвра. Рассмотрены геополитические последствия такой зависимости – от энергетических проектов до технологической кооперации и риска вторичных санкций. Показаны диспропорции между политической риторикой и реальными инвестициями. Определены перспективные направления сотрудничества до 2030 года и ключевая задача России – диверсификация восточного вектора.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, экономическая асимметрия, геополитические последствия, стратегическая зависимость, технологическое сотрудничество, санкционные риски, диверсификация.

Annotation: *The article examines the nature of Russian-Chinese economic partnership after 2022. A persistent asymmetry is revealed: Russia becomes critically dependent on the Chinese market, while China retains its freedom of maneuver. The geopolitical consequences of such dependence are analyzed – from energy projects to technological cooperation and secondary sanctions risks. Disparities between political rhetoric and actual investments are shown. Promising areas of cooperation until 2030 and Russia's key task – diversification of the eastern vector – are identified.*

Key words: *Russian-Chinese relations, economic asymmetry, geopolitical consequences, strategic dependence, technological cooperation, sanctions risks, diversification.*

Ключевой геополитический итог последних лет — демонтаж прежней модели интеграции России в глобальную экономику. Ещё в начале 2010-х Европейский союз закрывал почти половину российского экспорта. К середине 2025 года европейская доля сжалась примерно до 8 %. Одновременно Китай занял позицию главного контрагента: 30 % экспорта и 35 % импорта [1, с. 45–46; 2, с. 12]. Партнёр, без которого ещё вчера можно было обойтись, превратился в монопольного. Сегодня без него критически важные сектора просто не работают.

Так формируется разрыв в стратегической гибкости, который можно назвать критическим. Для Китая Россия — лишь один из многих контрагентов: на неё приходится около 3 % китайского экспорта [3].

Для России же даже серьёзное падение товарооборота обернулось бы экономической катастрофой. Пекин меняет параметры сотрудничества, исходя из своих интересов; Москва практически лишена такого манёвра. Зависимость России от китайских машин, оборудования и компонентов двойного назначения нарастает, тогда как Китай диверсифицирует источники энергоносителей [4]. Показательный факт: доля России в китайском импорте нефти, достигнув пика в 2024 году, пошла вниз [5]. Политика Пекина прочитывается однозначно — не допустить критической привязки к одному поставщику.

Лучше всего асимметричную взаимозависимость иллюстрирует история газопровода «Сила Сибири-2». Российская сторона видит в нём компенсацию потерь европейского рынка. Китай же, подписав меморандум, с финальным утверждением и коммерческими условиями не спешит [6]. Причина очевидна: Пекин использует доминирующее положение, чтобы выторговать ценовые преференции. И этот сценарий не единичен. Китайские компании уклоняются от долгосрочных вложений почти во всех секторах.

Технологическая сторона дела усугубляет асимметрию. Накопленные китайские инвестиции в российскую экономику застыли на 17,4 млрд долларов и уходят преимущественно в финансовый сектор [7, с. 28–30]. Заменить Евросоюз по качеству продукции и передаче сложных технологий Китай не может. В структуре китайского экспорта в Россию преобладают товары средней и низкой технологической сложности [8]. Российским потребителям остаётся либо смириться с технологическим регрессом, либо прибегать к параллельному импорту. Вместе с тем трудности стимулируют развитие собственных компетенций. Число

межправительственных научно-технических проектов достигло пятнадцати, включая проект сверхпроводящего коллайдера [9].

Однако реализация потенциала наталкивается на ограничения: различия в стандартах и, главное, опасения китайской стороны относительно вторичных санкций. Любой совместный проект рискует попасть под удар американских и европейских рестрикций. Это сдерживает передачу чувствительных технологий.

На политическом уровне происходит укрепление отношений. Обновлённый План сотрудничества до 2030 года и новое Соглашение о защите инвестиций (2025 год) создают долгосрочные обязательства [10]. Повестка смещается к высокотехнологичной кооперации. Однако разрыв между риторикой и реальностью сохраняется. В портфеле инвесткомиссии числится более 80 проектов на сумму свыше 200 млрд долларов, но реальный приток прямых инвестиций – около 4 млрд долларов в год (0,2% ВВП России) [7, с. 31]. Товарооборот в 2024 году достиг 244,8 млрд долларов, а накопленные инвестиции – лишь 17,4 млрд [2, с. 15]. Китай готов кредитовать торговлю, но не вкладываться в развитие производств.

В 2025 году под влиянием угроз вторичных санкций китайские банки практически прекратили прямое финансирование операций с российскими подсанкционными компаниями [11]. Товарооборот сократился почти на 10%. Это показало уязвимость российской экономики перед позицией китайского банковского сектора. В то же время межрегиональные связи растут: заключено более 120 соглашений, проведено 311 совместных мероприятий, в перечне 86 проектов на 201 млрд долларов [12]. Среди ключевых инициатив –

терминально-логистический комплекс «Белый Раст» и «Сухой порт» в Свердловской области.

Активизация региональных контактов формирует устойчивые группы влияния, ориентированные на Китай, и меняет общественное восприятие. Развивается сотрудничество в цифровой экономике: российские IT-компании привлекают китайских инвесторов в сфере ИИ и кибербезопасности. Гуманитарные обмены – более 66 тыс. китайских учащихся в России и 21 тыс. российских в Китае; к 2030 году планируется довести обмены до 100 тыс. человек в год [13].

Потенциальные точки напряжённости: конкуренция в Центральной Азии, разные подходы к Корейскому полуострову (Россия готова к военно-техническому сотрудничеству с КНДР), разногласия по ценам на энергоносители. Кроме того, Китай продолжает считать отношения с США и ЕС приоритетными. Западные рынки – основной источник технологий и инвестиций для КНР. Поэтому Пекин балансирует, избегая полного разрыва с Западом. Экспорт товаров двойного назначения из Китая в Россию резко сокращается при ужесточении санкций [14].

Таким образом, Россия вошла в зону стратегической неопределённости. Полагаться полностью на Китай нельзя. С другой стороны, сформировалась новая реальность: беспрецедентное доверие, регулярная координация, почти полный переход на расчёты в нацвалютах (95 %). Среди перспективных направлений до 2030 года — транспортные коридоры, газопроводы, промышленная кооперация, независимая финансовая система и гуманитарные обмены. Все они будут развиваться в условиях сохраняющейся асимметрии. Россия компенсирует утрату западных рынков, однако попадает в опасную зависимость от единственного поставщика.

Отсюда главная задача — диверсификация восточного вектора: Индия, Вьетнам, Индонезия, страны Персидского залива. Но масштаб китайской экономики таков, что в обозримой перспективе альтернативы Китаю просто нет.

Российско-китайское партнёрство вступило в новый этап: оно стало институционально оформленным стратегическим альянсом. Однако фундаментальная асимметрия сохраняется. Россия остаётся зависимым партнёром. Будущее зависит от способности России сохранять стратегическую гибкость и диверсифицировать связи. Без управления данной асимметрией партнёрство рискует остаться декларацией.

Использованные источники:

1. Федеральная таможенная служба России. Итоги внешней торговли за 2024–2025 гг. – М.: ФТС РФ, 2025. – 98 с.
2. Российско-китайское экономическое сотрудничество: ежегодный доклад ИМЭМО РАН. – М.: ИМЭМО, 2025. – 112 с.
3. WTO International Trade Statistics 2025 [Электронный ресурс] – Geneva: WTO, 2025. – URL: <https://www.wto.org/> (дата обращения: 20.04.2026).
4. BP Statistical Review of World Energy 2025. – London: BP, 2025. – 67 p.
5. Китайский импорт нефти: динамика и структура // Нефтяное хозяйство. – 2025. – № 7. – С. 28–32.
6. Ли Цзянь, Чжан Вэй. Энергетический диалог России и Китая: проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69. – № 4. – С. 44–53.

7. Центральный банк Российской Федерации. Прямые инвестиции Китая в Россию: статистический бюллетень. – М.: ЦБ РФ, 2025. – 65 с.
8. Отчет о структуре китайского экспорта в Россию / Торговое представительство КНР в РФ. – Пекин, 2025. – 44 с.
9. Совместные научно-технические проекты России и Китая // Вестник РАН. – 2025. – № 3. – С. 210–219.
10. План российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года: офиц. текст. – Пекин; Москва, 2025. – 34 с.
11. Вторичные санкции и их влияние на китайско-российские расчеты // Вопросы экономики. – 2025. – № 12. – С. 76–89.
12. Межрегиональное сотрудничество России и Китая: итоги 2024 года // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 2. – С. 118–130.
13. Образовательные обмены между РФ и КНР // Международная жизнь. – 2025. – № 6. – С. 55–63.
14. Экспорт товаров двойного назначения: китайская политика в условиях санкций // Проблемы Дальнего Востока. – 2026. – № 1. – С. 32–44.